

— Сейчас мне некогда с тобой препираться. Завтра же привезешь Цинъяня, чтобы он показался всем. Если еще раз посмеешь действовать мне наперекор, смотри, не пожалей, когда я переломаю тебе ноги!

На прошлой неделе Шэнь Ланьшу силой забрал Цинъяня, и когда старик, проснувшись после дневного сна, узнал об этом, то пришел в ярость. Шэнь Ланьшу, прекрасно зная нрав деда, заранее выключил телефон, чем довел того до неистовых проклятий прямо на месте.

— И еще... — старик уже собирался повесить трубку, но вдруг что-то вспомнил. — Сяо Чэнь сказал, что ты отбил жениха у Мяньмянь. Что это за история?

Цзян Цинъянь был женихом, которого старик выбрал для Шэнь Цзянмянь. Он не собирался позволять старшему внуку творить что вздумается.

Шэнь Ланьшу усмехнулся, подошел к письменному столу, сел, вытащил из ящика сигарету, закурил и небрежно бросил:

— Ровно то, что вы слышали.

— Шэнь Ланьшу!

Старик успел лишь рывкнуть, как Шэнь Ланьшу перебил его:

— Дед!

Он выпустил облако дыма и спокойно добавил:

— В прошлый раз я не успел вам сказать, потому что седьмой и восьмой перебили. Сейчас скажу то же самое: у Мяньмянь нет мыслей о любви, ей не нравится Цинъянь, а мне — как раз наоборот.

— Повтори, что ты сказал! — старик не мог поверить своим ушам.

Шэнь Ланьшу стряхнул пепел и невозмутимо ответил:

— У Цинъяня и Мяньмянь не было официальных отношений, так что я не отбивал ее жениха.

— У тебя совесть есть? — возмущенно воскликнул старик. — Вы оба мужчины! К тому же, сколько тебе лет, а сколько Цинъяню?

Что значит, сколько ему лет?

На лице Шэнь Ланьшу, до этого хранившем спокойствие, отразилось замешательство. Он сделал глубокую затяжку и поправил:

— Мне всего тридцать! Я еще очень молод! К тому же любовь не знает возраста и пола.

Точно так же он недавно говорил Ли Сэню.

У старика было много внуков, и он ими не дорожил. Больше всего он любил Мяньмянь, затем близнецов, а вот старшего внука, который не пошел по его стопам в армию, жаловал меньше всего. Поэтому Шэнь Ланьшу знал: как только дед остынет, он смирится. А вот с родителями будет сложнее.

Действительно, на том конце провода воцарилось молчание.

Шэнь Ланьшу не торопился. Он спокойно докурил, и только когда вдавил окурок в пепельницу, старик вдруг произнес:

— Мне плевать на твою любовь. Я хочу знать: Цинъянь к тебе хоть что-то чувствует?

Яркий белый свет отразился в глубоких зрачках Шэнь Ланьшу. Его взгляд блеснул, рука, прижимавшая окурок, на секунду замерла, и он тихо проговорил:

— Чувства можно воспитать. Взять хотя бы вас с бабушкой — разве вы не растили любовь по крупицам уже после свадьбы?

— Хм! — холодно бросил старик. — Цинъянь — единственный отпрыск твоего деда Цзяна. Он перед смертью просил меня присматривать за ним, а не позволять тебе сбить его с пути истинного, чтобы род прервался! Лучше остановись, пока не заставил меня применить силу!

На этом разговор оборвался.

Шэнь Ланьшу застыл. Он продумал все до мелочей, кроме одного. Ему-то самому потомство не нужно, но вот Цинъянь...

Цинъянь проспал до самого рассвета.

В тот момент, когда Шэнь Ланьшу осторожно вытаскивал его из-под одеяла, он настороженно приоткрыл один глаз. Видел он лишь расплывчатый силуэт, но знакомый запах, окутавший его, постепенно развеял остатки тревоги.

Он снова закрыл глаза и невнятно пробормотал:

— Который час?

Шэнь Ланьшу наблюдал за каждой его реакцией. Милое сонное выражение лица заставило его сердце растаять, и он мягко ответил:

— Только семь утра. Давай я отнесу тебя умыться, хорошо?

Цинъянь не расслышал и что-то невнятно промычал в ответ.

Лишь когда кто-то рядом попросил его открыть рот, он инстинктивно послушался. Мятная прохлада хлынула в полость рта, заставив его вздрогнуть и широко распахнуть глаза. Он увидел в зеркале, что сидит на коленях у Шэнь Ланьшу, а тот, склонившись, с явным воодушевлением пытается почистить ему зубы.

— ...!!!

Он выхватил щетку и, повернув голову, уставился на человека, чье лицо было совсем рядом:

— Уйди!

Шэнь Ланьшу с сожалением убрал руку, но не стал выпускать его из объятий, настойчиво переспросив:

— Тебе правда не нужна моя помощь?

— ... — Цинъянь сунул зубную щетку в рот. В зеркале отражалось красивое лицо Шэнь Ланьшу, озаренное улыбкой. Вдруг на плечо легла тяжесть, а голос у самого уха стал гораздо тише и мягче:

— Цинъянь, ты любишь детей?

Этот вопрос мучил Шэнь Ланьшу всю ночь, но для Цинъяня он прозвучал крайне озадачивающе.

Шэнь Ланьшу, словно поняв его замешательство, обнял его за талию и, тяжело вздохнув, небрежно добавил:

— Если любишь, у моего младшего брата есть малыш. Хочешь, принесу, поиграешь?

Цинъянь фыркнул, и пена брызнула прямо на зеркало. Он наклонился, сплюнул, прополоскал рот и с недоумением посмотрел на него:

— У тебя что, с головой не в порядке?

Принести ребенка двоюродного брата, чтобы он с ним поиграл?

Шэнь Ланьшу взглянул на белую пену в уголке его губ, спокойно стер ее рукой и невозмутимо ответил:

— Я просто спросил.

Цинъянь ему не поверил. С чего бы вдруг заговорить о детях? Неужели...

— Твой внебрачный ребенок?

— ...О чем ты думаешь! — Шэнь Ланьшу чуть не подавился воздухом.

Он сердито ткнул его в лоб, посадил в инвалидное кресло и, намочив полотенце горячей водой, протянул ему:

— Я сказал это, чтобы отвязаться от родителей. Они вечно мечтают, чтобы я родил им мягкую внучку. Но женщины меня не интересуют, а мужчина — не может родить. Усыновить ребенка — самое то.

Цинъянь уловил странности в логике Шэнь Ланьшу. Отложив полотенце, он посмотрел на мужчину в свободной одежде, скрывавшей его тело, и вспомнил, как недавно касался его груди — твердой и мускулистой. Неужели это тело придало ему такой уверенности?

Он многозначительно заметил:

— Может, попробуешь сам родить?

— Я мужчина... — Шэнь Ланьшу внезапно осекся, окинул взглядом лицо юноши и вдруг улыбнулся: — Я один не справлюсь. Может, ты попробуешь вместе со мной?

— ... — Это он сам себе вырыл яму?

Цинъянь накрыл лицо полотенцем, не желая с ним разговаривать.

В половине восьмого пришел Ли Сэнь со стилистом. Аукцион начинался в полдень, место проведения — аукционный дом Су. Когда Цинъянь закончил прихорашиваться, было уже девять часов.

Аукционный дом Су не сравнится с гигантами вроде Сотбис, но это старейшая компания в стране, пользующаяся отличной репутацией благодаря благотворительным торгам и надежной охране. Здание располагалось недалеко от улицы антиквариата и занимало огромную площадь, являясь крупнейшим аукционным домом в Киото.

Когда машина подъехала к входу, площадь вокруг была забита роскошными автомобилями. Светские персоны в безупречных нарядах, сопровождая своих спутниц, шествовали по красной дорожке. Когда троица прибыла, швейцар вежливо открыл заднюю дверь.

Шэнь Ланьшу махнул рукой, вышел из машины, обошел ее, забрался внутрь и подхватил Цинъяня. Ли Сэнь бросил ключи швейцару и достал из багажника инвалидное кресло.

Цинъянь уже привык, что его носят на руках. Но, заметив боковым зрением, как люди, еще не вошедшие внутрь, поглядывают в их сторону, словно собираясь подойти поздороваться с Шэнь Ланьшу, он ощутил странное чувство — как взрослому мужчине, ему было неловко, что его носят на руках у всех на виду.

Шэнь Ланьшу, словно почувствовав это, тихо усмехнулся, посадил его в кресло и, проходя мимо, прошептал:

— Можешь обдумать мое утреннее предложение.

Старый развратник!

Цинъянь, глядя на приближающихся людей, переменял мысли и сказал:

— Если хочешь жениться на мне, это возможно, но я не верю в твою искренность. Если только не перепишешь все свое имущество на мое имя — иначе я не чувствую себя в безопасности.

Голос его был негромким, но как раз таким, чтобы донестись до ушей приближающейся группы знаменитостей. Те остановились, переглянулись и, сделав вид, что ничего не слышали, повернулись к своим спутникам:

— Господин Чжао! Давно не виделись, как-нибудь выпьем вместе?

— Разве в зале нет вина? Пойдемте, выпьем прямо сейчас.

— ... — Шэнь Ланьшу не мог не понять, что юноша сделал это намеренно.

Он беспомощно покачал головой, наклонился, положил подбородок на плечо Цинъяня и прошептал:

— Это твои слова, не смей отказываться.

Сущность Ланьшу — дракон, а драконы жадны. Это инстинкт, вписанный в кости, и даже перерождение человеком его не изменило. Ланьшу-дракон направил свою жадность на богатство, и любовь к блестящим вещам сохранилась. Поэтому, когда Цинъянь бросил ему такой вызов, он преследовал цель не только заткнуть рот этому развратнику, но и проверить, какое место он занимает в сердце Шэнь Ланьшу — ведь с древних времен родные братья становились врагами из-за выгоды.

Но Цинъянь не ожидал, что Шэнь Ланьшу, чья жадность была в крови, согласится, даже не раздумывая...

Шэнь Ланьшу ввез кресло в зал аукциона. Обстановка была неожиданной: сервированные столы, изысканные напитки, нарядно одетые люди, танцующие в кругу света под музыку. Единственным отличием была высокая сцена в центре.

Их появление привлекло немало взглядов. Большинство устремилось на него — с любопытством, не лишенным злобы, либо с презрением, словно насмехаясь над его самоуверенностью. Но здесь собрались люди с положением, их эмоции были тщательно замаскированы. Если бы Цинъянь не был от природы чувствителен к чужим чувствам, он бы ничего не заметил.

Он сразу понял, что его слова у входа уже разлетелись по залу.

Прожив две жизни, Цинъянь почти все время находился под крылом Ланьшу. В делах светских он был неискушен, единственное, что в нем выросло — это терпение, закаленное в те времена, когда он, не зная, кто такой Ланьшу, искал его по всему миру. Поэтому он запоминал лица каждого, кто смотрел на него с недобрыми намерениями.

Логика главного героя из «романа о мести»: сегодня ты на востоке, завтра на западе, не обижай юношу, пока он беден.

Шэнь Ланьшу был не менее проницателен. Он словно невзначай окинул зал, запоминая пренебрежительные взгляды, а затем повез Цинъяня в центр зала.

Шэнь Ланьшу был, как всегда, в костюме, и сейчас, без своей привычной развязной манеры, выглядел особенно статно. Цинъянь тоже был в костюме-тройке, его челка, обычно падающая на брови, была зачесана назад, открывая высокий лоб и изысканные черты лица. Холодный

свет ламп подчеркивал белизну его кожи, придавая ему отстраненный, холодный вид.

Шэнь Ланьшу взял два бокала шампанского, наклонился и подал один Цинъяню, прошептав:

— Шампанское некрепкое, можешь выпить пару бокалов.

В этот момент к ним подошел мужчина. Цинъянь сразу узнал того самого господина Чжао, которого слышал у входа. Тот был примерно одного возраста с Шэнь Ланьшу, подошел и, подняв бокал, сделал глоток.

Цинъянь поднял свой, ответил на приветствие и отпил немного: вкус был свежий, с нотками яблока.

— Поздравляю, господин Шэнь, — мужчина посмотрел на Цинъяня: — Не представите?

Шэнь Ланьшу это понравилось. Его улыбка стала искреннее, он приобнял Цинъяня за плечо и прищурился:

— Это мой будущий жених, Цзян Цинъянь...

Он вдруг присел на корточки и мягко добавил:

— Цинъянь, это господин Чжао Пинлань, основатель Фэйюэ.

Говоря о Фэйюэ, нельзя не упомянуть трех гигантов интернета: Фэйюэ, Чуанши и Линхан. Почти все современные соцсети, игры и видеоплатформы были разработаны ими. Фэйюэ особенно преуспели, запустив мессенджер с видеосвязью еще в те времена, когда телефонные звонки оплачивались по минутам.

Цинъянь блеснул глазами, пропустил мимо ушей представление и поднял бокал:

— Господин Чжао, вы были моим кумиром в студенческие годы.

Чжао Пинлань слышал такие слова тысячи раз, но из уст этого юноши они звучали иначе. Если бы Шэнь Ланьшу был просто бизнесменом, он бы просто улыбнулся. Но за спиной Шэнь Ланьшу стояли военные, и это меняло дело. К тому же, если этот юноша удостоился такой нежности со стороны «принца» семьи Шэнь, который обычно избегает женщин, значит, отношения уже узаконены.

— Для меня большая честь быть вашим кумиром, господин Цзян.

Люди в бизнесе любят ходить вокруг да около. Цинъянь не был силен в этом, он любил прямоту. Но если он хотел расти, ему нужно было учиться приспосабливаться. Поэтому он вспомнил проблемы, с которыми сталкивался при написании кода, и под видом совета вплеел их в разговор.

Люди в бизнесе — сплошь хитрецы. Цинъянь, привыкший к тому, что все вращается вокруг него, здесь был еще новичком, но господин Чжао, желая оказать услугу Шэнь Ланьшу, делал вид, что не замечает этого, и давал советы. Разговор пошел на удивление гладко.

Шэнь Ланьшу знал, что Цинъянь закончил факультет информатики. Он хотел познакомить его с нужными людьми и, увидев, что беседа с Чжао идет успешно, оставил Ли Сэня присматривать за ним, а сам отправился по делам.

В одиннадцать часов музыка стихла, свет в зале приглушили. Весь зал замер. С потолка упал луч прожектора, осветив сцену, в центре которой стоял элегантный мужчина в традиционном костюме. Он оглядел зал и откашлялся:

— Уважаемые гости, благодарю за ожидание...

После формального вступления аукционист ударил молотком по столу, и раздался звук: «Бум!» — аукцион официально начался.

Цинъянь, обменявшийся контактами с господином Чжао, с любопытством наблюдал, как красавица в изящном платье вынесла вазу с узорами. В этот момент сверху опустился экран, разделяя сцену пополам, и на нем появилось изображение лота. Цинъянь засмотрелся, как вдруг кто-то похлопал его по плечу.

Он обернулся и в полумраке увидел Шэнь Ланьшу, который притащил стул, сел рядом и поднял табличку:

— Два миллиона.

Стартовая цена вазы была двадцать тысяч, шаг торгов — не меньше десяти тысяч, а он сразу предложил два миллиона. Желающих торговаться не нашлось.

Цинъянь поначалу не придавал этому значения. Ланьшу любил блестяшки и деньги. Если прямо, у Ланьшу была страсть к коллекционированию «сокровищ». Но когда Шэнь Ланьшу купил еще два лота, Цинъянь перестал понимать. Вазу еще можно было назвать антиквариатом, пара нефритовых пряжек тоже имела ценность, но королевская печь с трещинами, чья коллекционная стоимость была низкой, купленная за огромные деньги — это выглядело как поведение глупого богача.

Он ткнул Шэнь Ланьшу:

— Ты же пришел за красным бриллиантом?

Шэнь Ланьшу наклонился, подставив ухо к губам Цинъяня. Услышав его недоумение, он тихо кашлянул и прошептал:

— Покупаю, чтобы купить расположение людей.

— Что это значит?

— ...Вечером узнаешь.

Шэнь Ланьшу покупал не всё подряд. У него была цель, и он скупал только антиквариат.

Аукцион подходил к концу. Девушка в ципао под светом прожекторов вынесла поднос, накрытый черной тканью. Аукционист снял ткань, и взору предстал ярко-красный, как кровь, бриллиант, лежащий на черном бархате. Под ярким светом он играл гранями, словно поток живой крови.

Весь зал был ошеломлен, никто не произнес ни слова.

Цинъянь взглянул на Шэнь Ланьшу — тот был неожиданно спокоен, словно почувствовал взгляд, его суровые брови смягчились, и он снова наклонился к нему.

— ...Сколько денег ты подготовил?

В классификации цветные бриллианты — особая категория. Красные — самые редкие. Когда Цинъянь учился у Ли Сэня оценке камней, он немного узнал об этом: в мире публично появлялись лишь единицы таких камней. Можно было представить, сколько людей пришло именно за этим главным лотом.

Шэнь Ланьшу поднял один палец.

Цинъянь понял:

— Сто миллионов?

— Добавь еще ноль.

Аукционист ударил молотком, объявив стартовую цену в пятьдесят миллионов. Торги были гораздо жарче прежних. Цена взлетела до двухсот миллионов, прежде чем зал постепенно притих. Именно в этот момент Шэнь Ланьшу вступил в игру, сразу добавив двести миллионов.

Зал замер так, что стало слышно, как упадет иголка.

Кто здесь не был влиятельным человеком? Их состояние было не меньше, чем у Шэнь Ланьшу, но мало кто мог выложить столько наличных сразу. Видя, как легко держится Шэнь Ланьшу, те, у кого были средства, подняли бокалы, заранее поздравляя его.

После трех ударов молотка аукционист объявил:

— Продано.

Успешно заполучив главный лот, Шэнь Ланьшу принимал поздравления.

<http://bllate.org/book/19897/1958731>